

Посвящается
моей маме и Анне Полянской,
а также всем, кто ушёл слишком рано,
и всем, кому хочется шагнуть вслед за ними.

Мам, мне жаль, что ты
не возьмёшь эту книжку в руки.

Ллио, мне жаль, что мы
не смогли поработать над ней вместе.

Книга первая

**Зеркала
и
дороги**

*Сказки — больше, чем правда,
не потому, что в них рассказывается
о существовании драконов,
а потому, что они говорят нам:
драконов можно победить.*

Г. К. Честертон

Он пришёл на закате, когда умирающий свет патокой переливался через горы. Он спешил у плетня, и подошвы его сапог коснулись дорожной пыли без единого звука. Он оглянулся: деревенские улочки вымерли. Даже если б стрелки часов не приближались ко времени вечернего чая — здесь, на окраине, всегда было безлюдно.

9

Он положил руку на калитку, толкнул легонько. Скользнув в щель, ступил на мощённую камнем дорожку и бросил через плечо:

— Я позову.

Двое наёмников уже спрыгнули наземь. Держа руки на эфесах клинков, они косились за плетень, на деревенский дом с белёными стенами — светлый островок в зелёном море яблоневых крон. А он поднимался на дощатую террасу по невысоким ступеням крыльца, и ветер нёс ему в спину обрывки шёпота:

— Те самые Фаргори...

— ...так самоуверен...

— ...знает, что никто не увидит?

— Если и увидит, то пожалеет...

Он коротко стукнул в дверь.

Шагов хозяйки дома он не услышал. Не мог услышать. Но скоро его стук удостоили настороженным откликом.

— Кто там?

В вопросе звенели нежные переливы альвийских флейт.

— Боюсь, мой ответ вам не понравится, — он улыбнулся, — Ваше Высочество.

Тишина за дверью обернулась полной противоположностью звука.

— Ваше Высочество... — Он прижался щекой к некрашеной двери; дерево было тёплым и сухим, оно грело, словно стынущая печь. — Обойдёмся без шума. Мне нужна ваша дочь. Отдайте её, и вас никто не тронет.

— Принцесс в этом доме нет, — её голосом можно было колоть лёд. — Я из семьи сидроделов Фаргори, что живут здесь испокон веков. Убирайтесь, пока я не...

— Ваша выдержка достойна восхищения, но в этой игре вам выпали плохие карты. Никто не выйдет из дома, пока я того не захочу. Если не откроете дверь, я открою её сам.

— Вы угрожать явились? Я громко кричу, и стоит мне крикнуть...

— Даже если вас услышат, это изменит лишь то, что сегодня умрёт парой человек больше. Или десятком. Какая разница. — Он отступил на шаг. — Я не шутить явился, Ваше Высочество. Чем скорее вы это поймёте, тем лучше.

Когда она заговорила вновь, голос её звучал глухо.

— Оставь мою дочь, и я пойду с тобой. Куда угодно. Тебе нужна я, не она. Таша ничего не знает, клянусь, она...

— Таша? О, нет, я пришёл не за ней. Речь идёт о младшей. Лив.

— Лив? Но...

Она запнулась, и его улыбка стала шире.

— Неожиданно, правда? — сказал он, когда молчание затянулось. — Отдайте нежеланную дочь — будете жить. Вы бы и сами хотели, чтобы она исчезла, признайтесь.

— Кто ты? — она почти шипела. — Откуда знаешь...

— Я знаю больше, чем вы думаете, Ваше Высочество. Все ваши большие и маленькие тайны. Но ваши вопросы останутся без ответов.

— Зачем тебе Лив?

— Что я говорил насчёт вопросов? Впрочем, одно исключение могу сделать... из уважения к вам. Скажем так, я задумал одну забавную игру, и вашей дочери в ней отведена весьма почётная роль. — Он подал знак двоим за плетнем. — Так откроете?

Две тени прочеканили шаги по каменной дорожке, прохрустели по рассохшимся ступенькам, чтобы встать за его спиной.

— Нет.

Яблони шелестом взволновались на ветру.

— Благодарю, Ваше Высочество. — Он склонил голову. — Вы меня не разочаровали.

Он не шепнул таинственные слова. Рука его не взметнулась в замысловатом пассе. Казалось, он не сделал ровным счётом ничего, но дверной засов с той стороны поднялся вверх.

Когда дверь распахнулась под порывом неощутимого ветра, за ней никого не было.

Он шагнул в пустую прихожую: коврик на дощатом полу, рогатая вешалка у бревенчатой стены, три двери в жилые комнаты. Взглянул под ноги. Мыском сапога поворошил серый ком сброшенного платья.

— Перекинулась... значит, в прятки играем? — Он кивнул на дальнюю дверь. — Она там.

Клинки выскользнули из ножен почти беззвучно. На серебряном покрытии блеснула закатным багрянцем тонкая рунная вязь.

Две тени скользнули вперёд одновременно с тем, как дверная ручка провернулась невидимой ладонью.

Всё случилось быстро — разговоры и предупреждения остались позади. Она просто атаковала, они просто защитились; когда чёрная волчица упала к ногам наёмников, с лезвий ртутными шариками скатилась кровь.

Ни визжать, ни скулить она не стала. Даже от ран, нанесённых «нечестивыми» клинками.

Вместо неё завизжал кто-то другой.

— *Мама!..*

Когда девчонка, метнувшись из-под кровати, кинулась на наёмников с кулаками, с его губ сорвался смешок.

Смелая девочка. Глупая девочка. Ведь не оборотень, не маг: просто маленький человечек, которому мать велела спрятаться и сидеть тихо...

Хотя толку-то.

...а за много вёрст от светлого дома и яблоневого сада, по облитой закатной глазурью дороге бежала рысью каурая кобылка.

Безлюдный тракт убегал в пылающий горизонт, и компанию всаднику составляла лишь тихая песня цикад. Мужчина, сгорбившийся в седле, казался дремлющим — до мгновения, когда цветущая лебеда на обочине тихо всколыхнулась. Очень странно всколыхнулась: двумя полосами, которые на миг пролегли и тут же сгладились в травяном море.

Лошадь повела мордой по ветру. Встревоженно стригнула ушами воздух. Всадник не встрепенулся, даже не выпрямился — лишь чуть повернул голову.

Вглядевшись в заросли лебеды, вымахавшей в человеческий рост, он медленно протянул руку за спину, к ножнам с мечом.

Лебеда глухо, бесконечно злобно зарычала в ответ.

Лошадь понесла в миг, когда трава выплюнула две мохнатые тени. Лошадь понесла, когда звери уже взвились в прыжке. Лошадь понесла безнадежно поздно...

...но всё это было далеко.

А здесь и сейчас в доме смолк детский крик.

Вскоре трое всадников пустили коней галопом: по ниточке просёлочной дороги к ленте тракта, уползавшей за кромку пшеничных холмов, прочь от яблонь, шепчущихся вокруг мёртвого дома.

Он не оглядывался. Он смотрел в небо. И хотя разглядеть в вышине маленькую белую птичку не представлялось возможным — знал, что она там.

Скоро птичка по имени Таша вернётся домой...

— Что ж... — он улыбнулся своим мыслям, — до встречи, девочка моя.

Новая игра началась.

ГЛАВА ПЕРВАЯ КНИЖНЫЕ ДЕТИ

За один неполный оборот часовой стрелки до момента, разделившего их жизнь на «до» и «после», в канун дня, на исходе которого незнакомцы явились в их дом, Таша и Лив лежали в саду и трясли небо.

Вечер был прозрачным и сладким, как леденец: липы на заднем дворе только вчера обсыпало медовыми звёздочками цветов. Росистую траву на полянке между яблонями примял лоскутный плед. Листва шептала колыбельные двум девочкам, что смотрели на звёзды, смешно вздёрнув ноги к небу — словно хотели подошвами мягких туфель коснуться двух лун, в этот час висевших почти рядышком.

— Ещё одна! — Лив довольно указала туда, где в черноте исчез росчерк упавшей звезды.

— Успела загадать? — улыбнулась Таша.

— Ага!

— И сколько желаний осталось?

Лив смешно наморщила нос, припоминая свой немаленький список:

— Шесть.

Таша посмотрела на дом. Свет с террасы просеивался сквозь яблоневые кроны, разливался по каменной дорожке до калитки, лизал золотыми лучами край тропы, уводившей к их любимой поляне.

Отсюда маму не видно, но наверняка она уже готовит им травяной чай на сон грядущий.

— Придётся постараться, если хотим сегодня управиться, — сказала старшая из сестёр Фаргори.

Поёрзав на пледе, Лив старательно засучила ногами в воздухе. Как и Таша. Со стороны могло показаться, что они пинают звёзды, и догадки эти были бы недалеки от истины.

Увидев их впервые, немногие могли предположить, что они родня. Старшая дочь Мариэль Фаргори уже прожила свою шестнадцатую весну, а младшей едва исполнилось девять, но и при такой разнице от сестёр ожидаешь большего сходства. В чертах их лиц не было ничего общего. Лив унаследовала вишнёвые глаза матери, её худенькая косичка отливала той же обсидиановой чернотой, что и локоны Мариэль, а светловолосая сероглазая Таша пошла в бабушку (так говорили, во всяком случае). Однако все сомнения отпадали, стоило хоть раз увидеть, как Таша возится с малышкой, которую многие считали ребёнком совершенно невыносимым.

Такое мнение имело под собой основания. Но крошка Лив слишком любила маму и старшую сестру, чтобы изводить ещё и их.

Приближение Гаста Таша услышала задолго до того, как его шаги зашуршали по тропинке.

— Что-то ты припозднился, — сказала она, когда друг застыл на краю полянки.

— Ну прости. Сперва у кузницы старика Лира долго торчал, потом дядя нравоучительствовал. — Краем глаза Таша видела, как Гаст недоумённо следит за их пятками. — Что вы делаете?

— Трясём небо, — поведала Лив со всей серьёзностью ребёнка, который едва способен усидеть на одном месте хотя бы пять моментов¹, а обычные полчаса школьного урока считал изошрённой пыткой.

Гаст посмотрел наверх, туда, где по небесному шёлку рассыпалась колкая звёздная шелуха.

— Мы загадываем желания на звёзды, — пояснила Таша невозмутимо. — Но их падает куда меньше, чем Лив хочется. Зато если небо потрясти, они точно на местах не удержатся.

Смеяться Гаст не стал. За десять лет дружбы — с момента, когда они случайно сели за одну школьную парту, — он давно привык к её выдумкам.

— Твоя идея? — просто спросил он.

— Чья ещё.

— Я не такая умная, как Таша, — грустно сказала Лив. — А то сама бы придума... ай, ну вот, ещё одна упала, а я не успела ничего загадать! Ты меня отвлёл, дурак!

— Чай готов!

Мамин голос глухо прозвенел в синей темноте, приглушённый яблоневыми просторами, отделявшими полянку от дома.

Четыре пятки, облитые тонким шевретом летних туфель, одновременно ударились о плед.

— Не обзывайся. — Сев, Таша легонько щёлкнула сестру по носу. — Завтра ещё по крайней мере пару звёзд свалим, стрекоза.

Та не утешилась, и всё время, пока Таша сворачивала лоскутное покрывало, стояла надувшись.

— Гаст-балласт, — буркнула Лив.

— Я кому сказала?

¹ Единица измерения времени, равная 90 секундам (*аллигранское*).

— Наш Гаст патласт, ушаст, бородаст...

— Лив!

— Не вижу ничего плохого в бороде, — сказал Гаст, смущённо почесав слегка щетинистую щёку: зимой на ней впервые показались редкие светлые волоски, пока не знакомые с бритвой.

— Борода может быть красивой, а вот твои поросёночьи шерстинки — точно нет!

Отряхивая плед от земли и травы, Таша не видела лица друга. Зато прекрасно слышала, как тот скрежещет зубами.

К детям нужно быть снисходительным (особенно когда тебе восемнадцать, ты уже почти закончил школу и, выходит, почти что взрослый), но порой это дамнарски сложно.

— Мелкая ты ещё, чтоб в мужской красоте разбираться, — процедил Гаст наконец.

— Будь я мальчиком, ты бы мне сейчас врезал, да? — пронизательно заметила Лив.

— Таша б мне не дала. Но на подзатыльник ты напрашиваешься.

Хихикнув, довольная Лив уцепилась за руку сестры; Таша только вздохнула стоически.

— Лучше скажи, ты брался за задание по истории? — спросила она, направившись к дому, одной рукой прижав покрывало к груди.

— Неа. — Гаст на ходу сорвал с ближайшей ветви недозревшее яблоко. — Всё равно одна добренькая отличница даст мне списать.

— На этот раз — не дам.

— Кажется, я это слышал уже примерно... сто раз?

Выпустив ладошку Лив, Таша ткнула нерадивого друга под рёбра — судя по громкому ответному «ай», плотный лён рубашки не смягчил удар.

После она не раз вспоминала тот вечер. Детские препирательства, детские проблемы, казавшиеся тогда такими важными. Незагаданные желания. Невыученные уроки. Незначительные, трогательные пустяки, ничем не предвещавшие грядущего.

Самое страшное в жизни редко предупреждает о себе. Оно приходит без приглашения, в самый обычный день, когда ты не успеваешь и даже не собирался прибраться к его визиту. И никогда не спрашивает, готов ли ты его принять.